

«Девочка Аврора у меня в глазах стоит»

Как живут в доме на белгородской улице Щорса, 55А, спустя год после бомбардировки и обрушения подъезда, где погибли 17 человек

Фото: fonar.tv

16:51, 13 мая 2025,

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Текст публикуется в партнерстве с белгородским изданием [FONAR.TV](https://fonar.tv)

12 мая 2024 года — дата, которая вписана в историю СВО как день, когда под завалами подъезда многоквартирного дома на улице Щорса погибли белгородцы. Что изменилось за год? Валерия Солошенко пообщалась с жителями дома № 55а, а Антон Вергун в годовщину трагедии побывал на месте народного мемориала. Он продолжает оставаться во дворе дома, разрушенную часть которого пообещали восстановить к концу этого года.

6 мая на всю территорию у образовательного центра «Луч» звучит веселая музыка про день рождения. Две девушки танцуют рядом с укрытием, вместе с аниматором в костюме медведя во фраке и шляпе. Прохожие неспешно идут мимо по аллее с цветущими тюльпанами. В Белгороде — майский закат.

Но почти год назад, 12 мая, на этом месте вместо музыки раздавались плач и крики. Десятки людей стояли возле «Луча» на улице Щорса и с надеждой смотрели на пустой проем между подъездами дома № 55А. По версии Минобороны, утром над ним сбили ракету, и осколок упал на третий подъезд. 10-этажный пролет рухнул за секунду, как карточный домик. Позже на завалы, где оставались люди, рухнул кусок уцелевшей крыши. На месте этажей с квартирами было видно лишь хмурое небо.

Фото: fonar.tv

Родственники тех, кто жил в рухнувшем подъезде, со слезами на глазах ждали новостей о близких. Очевидцы, заикаясь, рассказывали о произошедшем по телефону. Люди из соседних домов уговаривали бойцов терсамообороны пустить их за вещами. Но с территории дома только выходили жители с чемоданами и испуганными животными на руках.

Журналисты [FONAR.TV](https://fonar.tv) вернулись на улицу Щорса, чтобы узнать, как сегодня живут в доме, где погибли 17 человек, и кто сделал во дворе мемориал из плюшевых игрушек.

Фото: fonar.tv

«Была атмосфера брошенности»

От первого до четвертого подъезда во дворе дома № 55А тянется коричневый забор из профлистов. За закрытыми дверями строители возводят два новых подъезда. Год назад здесь рухнул третий подъезд. Соседний — второй — снесли по решению комиссии, и до сентября 2024 года на месте квартир, где жили люди, был пустой проем.

— Это сейчас построили, а как была эта сквозная пустота... через нее было видно все. Наш один [первый] подъезд стоял, как тополь на Плющихе, как свечка. Аж страшно было. Тоже бомбили, взрывы — трясся весь, — вспоминает женщина в очках.

Жительница дома стоит возле первого подъезда, разговаривает с двумя пенсионерками, сидящими на скамейке. Внук женщины, дошкольник, кидает темно-зеленые куски

утеплителя в большую пластмассовую машину. Куски летят сверху — из люльки строителей, которые утепляют фасад дома. С другой стороны — от подъезда и до гаражей — тянется синий забор. Вблизи него строительные материалы. С этой стороны был вход в рухнувший третий подъезд.

Жильцы первого подъезда вспоминают, что в тот день взрывная волна выбила все стекла и даже снесла некоторые балконы.

— Мы сразу выбежали на балкон. 33-летняя внучка вышла и как закричит: «Ой, бабушка, бегом сюда». Глянули — крыша обрушилась, — рассказывает пенсионерка в красном спортивном костюме. — Из других подъездов выбежали ребята. Кричали: «Кто живой?» Женщина очень сильно кричала под завалом. А потом замолчала.

— У меня дверь из зала в коридор вынесло, — включается третья женщина в берете. — Я потом на балкон все же вышла — двора не было видно, потому что все в пыли было.

Фото: fonar.tv

После взрыва в квартиры женщин забежали участники территориальной самообороны с криком «Быстро выходите!». Возле дома вышедшие жильцы увидели, как медики увозили пострадавших. «Кого в крови везли, кого уже в черных мешках», — вспоминает одна из жительниц.

Женщины думали, что бойцы проверят подъезд и впустят их обратно. Но вернуться в квартиры чиновники разрешили только в конце июля — через 2,5 месяца.

— Неделю мы не могли даже за трусами прийти — нас не пускали, — добавляет женщина в красном костюме.

Пенсионерки вместе с семьями сняли квартиры недалеко от своего дома, чтобы вернуться и забрать вещи, полить комнатные растения. Терсамооборона и полицейские ненадолго пускали жильцов домой, но только по паспорту.

В начале августа женщины вернулись в квартиры — чиновники разрешили въехать в дом, кроме того, они перестали компенсировать жильцам аренду.

Строители вставили новые окна и двери. Администрация возместила ущерб за пострадавшее имущество, но только за вещи первой необходимости.

— Пришлось клининг нанимать, — вспоминает пенсионерка в берете свое возвращение домой. — Я бы одна не вывезла эту квартиру. Там и стены, и потолок, и мебель надо было чистить, потому что стекла полетели, все в пыли. В стирку сдавали ковры. А запах какой! Ужас! Гарью пахло.

Поначалу вернуться в квартиры было морально тяжело.

— Какая-то атмосфера брошенности была, — вспоминает женщина в очках.

Со временем — привыкли. Но стройка все равно иногда напоминает им о трагедии.

Мы помним их имена. Список погибших 12 мая 2024 года

— Я день и ночь плачу. Вышла на балкон — и все, гляжу на это. Так [погибших] не знала — знала в лицо. Здоровались, проходили, знали. И девочка эта, Аврора, она так в глазах у меня стоит, маленькая, — в глазах женщины в красном костюме появляются слезы. — Ей лет восемь было. Она с мамой шла перед этим. Я видела — платице такое красивое. Она здесь крутилась. Потом не стало. И мамы не стало.

Женщина говорит об Авроре Гнедыш и ее 36-летней матери Екатерине. Они жили в Никольском и убежали от обстрелов в Белгород — к родственникам. Родители Екатерины погибли вместе с дочерью и внучкой.

По словам женщин, сейчас их подъезд почти наполовину опустел. Некоторые соседи съехали после трагедии или стали сдавать жилье квартирантам.

— Вот с девятого этажа Саша с Леной — их нету. Светы и Саши нету надо мной. На седьмом уже Ира и Дима. Тоже нету, — перечисляет женщина в красном костюме своих уехавших соседей. — У нас соседи еще до всего этого квартирантам сдавали. Квартиранты 11 мая съехали, а 12-го вот это случилось. И они до сих пор не могут решиться сдать квартиру. Но оставшиеся жильцы стали относиться друг к другу внимательнее и дружнее — чаще здороваются и спрашивают о делах.

К пенсионерке в костюме подбегает ее семилетний правнук, подходят две правнучки-школьницы. Они гуляли во дворе.

После трагедии взрослые не отпускали детей гулять — боялись повторных обстрелов. Но спустя год на весь двор раздаются детский смех и крики.

Дети бегают вдоль забора и играют на детской площадке у четвертого подъезда.

Коричневый забор заканчивается возле входа в четвертый подъезд. Тут же стоят блоки строительных материалов, неподалеку аккуратно сложены деревянные балки и другой

мусор, стоит серебристая бытовка для рабочих. Кажется, что хозяйева в этой части двора — строители, а не жильцы.

Возле забора, на скамейке, сидят три пенсионерки — жительницы четвертого подъезда.

— У нас же здесь вообще зелени столько было! Деревьев было [много], цветов, клумб, столько тюльпанов! И это все снесло [взрывной волной], — женщины смотрят на зеленую траву возле входа, которая теперь заставлена строительными материалами, но тут же заступаются за рабочих. — У них здесь все организовано!

Вечереет. Рабочий день белгородцев давно закончился, но строители не уходят с площадки.

— Вот это (речь про второй и третий подъезды. — Прим. Е.) построили — уже как-то легче. А вот когда эта дырка, и идешь... это было ужасно. Я приехала из Пятигорска [домой после трех месяцев вынужденного переселения], как начала плакать. Вернулась сюда — а тут пусто. Подъезд обрублен, — одна из пенсионерок начинает плакать.

— Шура, Шура, ну-ка успокойся, — подбадривает ее соседка.

— Просто я не могу эмоции сдержать, — признается собеседница.

— Ну какие эмоции? Уже прошли эмоции, — спорит женщина и добавляет, что люди со временем привыкли к мысли о произошедшем.

Фото: fonar.tv

На фасаде четвертого подъезда уже видна новая отделка: бордовый кирпич и белые стены сверху. По словам женщин, строители утеплили и «усилили» дом, проводят капитальный ремонт. Но мелкие трещинки, похожие на паутину, все равно остались на балконах и стенах.

— Откуда мы знаем, что с нами будет через год-два? Убедили нас вот [что нужно восстановить дом]. Сейчас укрепление сделают. Я лично боюсь оставаться здесь, — успокаивается женщина с костылем и флагом.

— Видите — ватные панельки лежат. Ну что, они держать будут дом, что ли? — говорит ее соседка по подъезду. — А куда идти? На пенсии куда я пойду? Вот есть одна комната — и живешь.

Вторая пенсионерка согласна с ней: «Как Бог даст».

Убежище для беженцев

Во дворе четвертого подъезда, на скамейке напротив детской площадки, сидит пожилая пара. Владимир и Галина — переселенцы из Красной Яруги. Они заселились в дом на Щорса 30 марта после того, как чиновники рекомендовали им покинуть район. Их временное жилье находится на первом этаже, рядом со стройкой.

— Мы вынуждены здесь снимать [квартиру]. Там небезопасно, дроны летают и бьют все, что шевелится. Уже 50 дней тут живем, — объяснил седой мужчина.

В марте украинские военные попытались прорвать границу Белгородской области. Бои в Краснояружском районе продолжаются. Сотрудники администрации района «рекомендовали людям покинуть район» (*официально эти действия чиновники не называют эвакуацией. — Прим. Г.*) 18 марта — в день рождения Владимира.

— Мы только сели за стол, они объявили, что надо тикать (*уезжать. — Прим. Г.*), — вспоминает мужчина.

Супруги выехали из Красной Яруги после того, как машину их дочери чуть не атаковал дрон. Женщина со своей семьей жила в приграничной части поселка. Когда в марте на границе начались бои, ее семья собрала в машину вещи и ездила ночевать к Владимиру и Галине. По утрам женщина, ее супруг и сын возвращались домой.

— Один раз они едут от нас. Только выезжают на свою улицу — а на них идет в атаку беспилотник. Они двери пооткрывали, бросили машину — и в разные стороны. Но он не стал атаковать. Он пролетел дальше и бахнул в поселке — кого нашел. Они сразу позвонили: «Вы как хотите, но мы завтра уезжаем». И в шесть часов утра на следующий день уже выехали. Напихали полную машину — все, что влезло — и уехали. И нам говорят: «Мы вас ждем». Мы в девять выехали, —

рассказал Владимир.

До этого супруги дважды временно покидали район. В первый раз выезжали на двое суток, во второй — на неделю. Они жили в ПВР в одном из белгородских вузов. В третий раз супруги решили поехать в ПВР в Старом Осколе. Но, оценив условия проживания, решили снять квартиру.

— Заходим туда — стоит куча цыган с детьми. Говорят, два года там живут. Они эвакуировались со стороны Луганска. Может быть, у них выхода другого нет. Атмосфера тяжелая, воздух несвежий. Ковровое покрытие в коридорах все изорвано, дыбом стоит. Грязища, — говорит Владимир.

По словам мужчины,

в ПВР супругам предложили комнату площадью 2,5×2 метра. В ней стояли две кровати, маленький столик и холодильник. Супругам было негде оставить вещи, которые они успели с собой вывезти: обувь, одежду, компьютер.

Фото: fonar.tv

— Как в таких условиях жить? Если приехал в рабочую командировку, переночевать нормально. Но проживать [долго] в тех условиях — не годится. Выходим, говорим, что поедем обратно. «А чего? Давайте мы вам другую комнату предложим». Давайте. А там двухъярусная кровать! — мужчина улыбается и смотрит на свою трость.

Дочь пенсионеров через знакомую нашла для родителей однокомнатную квартиру в доме на Щорса. Хозяйка квартиры не планировала ее сдавать. Жилье досталось ей после смерти матери и было «в непригодном состоянии».

— Пыльная, грязная, как после взрыва, — говорит мужчина.

Но женщина согласилась сдать квартиру, не зависила цену и заключила договор об аренде, чтобы пенсионеры смогли получить компенсацию за съём жилья. Но, по словам Владимира, они до сих пор не получили деньги. В первый месяц

заплатили за аренду единоразовой выплатой из бюджета в 15 тысяч рублей.

— Я не знаю, как нам выкручиваться. Будем у детей денег просить, — расстраивается мужчина.

Супругам было страшно снимать квартиру на Харгоре из-за обстрелов, прилетов и случая, когда в 2023 году произошел «нештатный сход боеприпаса». Но в своем жилье лучше, чем в ПВР. Пара привела квартиру в порядок. Владимир спит на раскладушке, его жена — на диване. Женщина перенесла инсульт, поэтому ей нужно спокойствие.

— Куда деваться?! — задает риторический вопрос мужчина.

Он рассказывает, что многие беженцы из Красной Яруги снимают квартиры в их районе. Они познакомились с земляками, когда гуляли во дворе дома. Кроме квартирантов, в их подъезде в основном остались пожилые люди.

— Тут видим только из Красной Яруги. В этом районе, говорят, легче всего квартиру и снять, и купить, потому что район такой...

— Боятся многие, — добавляет супруга.

— ...потому что здесь [жилье] не так востребовано, как в других частях города. И по цене соответствующе. У шебекинцев давно эта беда — и они утряслись по хорошим ПВРам, кто-то по родственникам — как-то повыкручивались. А здесь в основном наш район нововыселенный... (...)

Владимир и Галина хотят, но не могут вернуться в свой дом. Мужчина объясняет — Красную Яругу постоянно атакуют дроны.

— Тут мы хоть на улицу можем выйти, а там нельзя. Там может

атаковать сразу — кого видит, там и ударяют. С другом разговаривал — он там живет. Они на улице не показываются, свет закрывают одеялами, печка не топится — оно же видно. Они по тепловизорам видят, жилые или нежилые дома. Два магазина работают, — уточнил Владимир.

В небе несколько раз раздается гул, будто от выстрела вдалеке.

— Постоянно где-то что-то бахает в сторону Харькова, — говорят супруги.

В Харькове у них живет дочь.

— Мы туда [стреляем], они — оттуда. В Харькове все время бахает. Мы пишем дочке: «Как у вас?» Она слышит, бахает, и нам звонит: «А как у вас?» — говорит мужчина.

Супруги надеются, что до зимы вернутся домой. Иначе квартиру придется готовить к холодам: на балконе после трагедии выгнута дверь, даже в мае там холодно. Но на это у Владимира нет ни финансов, ни сил. К тому же пенсионеры не знают, согласится ли хозяйка продлить договор аренды. Они попросили «пустить» их на два месяца.

— Шо нам тут делать? Дома уже б лазили по огороду. А так сосед через забор у нас пофотографирует двор: «Приезжай бурьян косить», — смеется мужчина на скамейке. — Огород зарастает. Мы ж там лучок, чесночок посадили, мы б там уже лазили. А тут вот так лазим.

«Этот год у меня вычеркнули из жизни»

На заборе у первого подъезда висит баннер: «Дом восстанавливается, чтобы здесь снова поселилось счастье». Над ним возвышаются новые подъезды. Они пока не заселены. Но в памяти жителей на каждом из таких же этажей год назад жили

погибшие здесь люди. Например, на пятом — та самая Аврора, восемь лет, в красивом платье, ее мама Екатерина Гнедыш, бабушка и дедушка. На восьмом — 42-летняя врач-невролог Наталья Ермолова, а на десятом — семья Проценко: Марина, Владимир и их 12-летний сын Кирилл.

Фото: Валерия Солошенко

Рядом с баннером — изображение будущего дома с бело-бордовым фасадом. Пока подъезды сильно отличаются от изображения на картинке: серые стены, незастекленные окна, верхние этажи еще достраивают. Жителей должны заселить сюда к декабрю 2025 года. Забор закрыт, и пройти в дом могут только собственники жилья в пострадавших подъездах.

— Посмотреть дом можно только по индивидуальной записи. Пускают только собственников по предоставлению документов о собственности. И смотреть там еще нечего — внутренняя

отделка не готова, — делится жительница дома Александра (имя изменено по просьбе женщины. — Прим. Г.).

Фото: Валерия Солошенко

У белгородки в доме были две квартиры — во втором и третьем подъездах. В третьем — она прожила десять лет вместе с мужем и ребенком. Незадолго до трагедии они переехали в квартиру побольше — трехкомнатную во втором подъезде. В день обрушения Александра была одна дома — муж увез ребенка к своим родителям на север из-за обстрелов.

— Я была на кухне. Когда сработала сирена и был один бах, второй я еще как-то безалаберно восприняла. На третий раз уже побежала к ванной, услышала очень сильный взрыв. Меня прямо в ванну откинуло, я упала в нее, плитка обрушилась, свет потух. Меня оглушило на какое-то время, — вспоминает Александра.

Женщина не понимала, что произошло. Она пошла на балкон и увидела, что балконная рама в комнате ребенка вылетела.

По всей квартире валялись стекла. С балкона она увидела сцену «как в фильме ужасов». Машины были перевернуты, внизу лежал кусок третьего подъезда. Девушка с грудным ребенком на руках громко плакала и кричала: «Помогите».

Ее вытащил мужчина из первого подъезда.

В ту ночь женщина ночевала у 80-летней матери. Ее соседи «разъехались кто куда». Чиновники предложили людям заселиться в ПВР. По словам Александры, жильцам предложили «малюсенькую» комнату в общежитии на шесть человек — без шкафа, с тумбочкой — «в нечеловеческих условиях». Женщина продолжала жить у матери. Знакомые помогли вынести ей некоторое имущество.

— Мы это отвезли в наш гараж, неотапливаемый. К сожалению, часть имущества пришла в негодность. Стиральная машинка плесенью покрылась, мебель рассохлась, даже постельное белье, вещи. Зиму эти вещи не пережили, — рассказала женщина.

Александра и ее сын получили по 10 тысяч рублей единовременной компенсации. Чиновники отказали им в компенсации за аренду жилья, потому что у Александры была доля в квартире пожилой матери. Женщине пришлось снимать жилье за свой счет. На мебель прописанные жильцы получили по 150 тысяч рублей. «Не знаю, как это использовать даже на одну квартиру», — говорит Александра.

Женщина просила администрацию выдать ей жилищный сертификат вместо новой квартиры в доме, но получила отказ, потому что комиссия и некоторые жильцы решили восстановить дом. По словам женщины, чиновники были готовы выдать сертификаты, если бы этого потребовали все жители дома. Но денег от сертификата — 83 тысячи рублей за квадратный метр — людям не хватило бы на новое жилье. Средняя рыночная цена за квадратный метр достигает 129 тысяч. «Получается, мы пришли к такому молчаливому согласию, потому что выбора-то по итогу и не было никакого», — говорит Александра.

По словам белгородки, некоторые жильцы недовольны результатами строительства и считают, что власти сэкономили на восстановлении. Как рассказала женщина, чиновники и строители отказались предоставить смету на внутреннюю отделку и другие материалы, дали на выбор всего два цвета плитки и ламината. Хотя на собраниях обещали согласовывать материалы и цвета. Жители организовали инициативную группу из нескольких человек, чтобы осматривать новое жилье. По словам Александры, строители запретили им фотографировать и снимать квартиры.

Фото: fonar.tv

— Разрешили взять план, нарисовать розетки, потому что начались возмущения, что розетку сделали одну на комнату. Плюс в ванной сделали один кран на ванну и раковину, что тоже совершенно непрактично и неудобно. Я так понимаю, что если человек об этом не узнал бы и не был на собрании — нигде об этом не пишется — получишь то, что получишь, — говорит женщина.

«Но ремонт и строительство дома — меньшее из двух зол», — говорит Александра. Женщина смирилась с потерей имущества и ремонтом, который сделает застройщик. Морально она до сих пор не может принять произошедшее. Из-за стресса у нее развились несколько болезней. Ей пришлось обратиться к врачу. Александра страдает от бессонницы. Для нее перестали существовать праздники. В последнее время она почти каждый день приходит во двор, чтобы проверить строительство. Другую причину она не может объяснить: «Туда тянет бесконечно, мазохизм некий».

— Этот год у меня взяли и вычеркнули из жизни, потому что это не жизнь. Я думаю об этом каждый день. Каждый день хожу туда, смотрю на стройку. Думаю о соседях, с которыми общалась. То есть у меня не жизнь, а ожидание завтрашнего дня, когда это все закончится. Может быть, немножко отпустит это состояние, когда мы получим ключи. Мне кажется, я даже в начале чувствовала себя легче, чем сейчас, когда не смогла ответить на вопрос: за что мы это получили? Почему? Неужели это с моей семьей и соседями происходит?

Женщина «с ужасом» ждала 12 мая. Она хотела со своей семьей прийти к стихийному мемориалу во дворе и возложить цветы. В доме погибла ее коллега, с которой женщина прожила по соседству 12 лет. Будущую жизнь в новой квартире Александра не может представить — даже о прежней тяжело думать.

Мемориал из плюшевых игрушек

Напротив четвертого подъезда, за серебристой бытовкой строителей, стоит зеленый постамент с искусственным газоном. На нем лежат мягкие игрушки. Их принесли родственники погибших и соседи. По словам местных жителей, близкие погибших периодически возвращаются к мемориалу.

Таким народный мемориал был 6 мая. Фото: fonar.tv

Так он выглядит 12 мая. Фото: fonar.tv

Игрушки не убрали даже зимой. Некоторые из них грязные. Среди плюшевых зверей, в рамке, стоит выцветший портрет пожилого мужчины с черной лентой. Рядом — деревянная икона Божией Матери и альбом. На фотографиях — улыбающиеся люди за семейными застольями. Но с каждой страницей лица все сильнее расплываются: от дождей и сырости изображения превратились в цветные пятна — и люди исчезли даже в памятных фотографиях.

Фото: Валерия Солошенко

Под альбомом — грязный лист с тремя фотографиями и надписью «Скорбим». На фото — Евгений Чудных, его гражданская жена Юлия Сульженко и дочь женщины 17-летняя Екатерина, мечтавшая стать акушеркой. Семья тоже погибла при обрушении подъезда. Мать Юлии Елена отказалась поговорить о близких — «больно».

Утром 12 мая к мемориалу, несмотря на дождь, подошла девушка с родственниками. Екатерина Проценко приехала из Санкт-Петербурга почтить память старшего брата — 44-летнего Владимира. Он погиб в доме вместе с женой Мариной и 12-летним сыном Кирюшей, у которого диагностировали расстройство аутистического спектра.

Фото: fonar.tv

Семья Проценко из-за обстрелов уехала из региона. Втроем они снимали квартиру в Воронеже посуточно. Владимиру, водителю автобуса, посуточная аренда обходилась дорого. Но обычную квартиру им отказывались сдать — арендаторы говорили, что белгородцы «привезут ***» или не смогут платить за жилье. Из-за финансовых трудностей семья вернулась в Белгород, чтобы взять летние вещи.

Проценко жили на самом верхнем — десятом — этаже. В 11.20 Владимир написал в семейный чат, что город «начали опять бомбить». По словам Екатерины, через минуту их подъезд обрушился. Последний раз Владимир был в сети в 11.22 — но больше не ответил. Семья узнала об обрушении через полчаса: увидела в новостях фото. Они начали звонить супругам. Сначала шли гудки. Позже телефоны стали вне зоны доступа.

— Звонили в 112, но у них не было никакой информации. Нужно было ждать. Потом рухнула крыша. Внутри будто все оборвалось. Про себя мы подумали: «Все». Мы смотрели списки погибших, которые постоянно обновляли. Обзванивали все больницы в надежде найти Вову, Кирюшу и Марину, — говорит Екатерина.

Спасатели нашли их тела ночью — в самом низу, под обломками.

— Они как-то туда провалились, хотя должны были быть в самом верху завалов, ведь они жили на последнем, десятом этаже, — говорит Екатерина.

Семью опознала сестра Марины. У женщины был проломлен череп. Тело Кирюши вытащили невредимым — он задохнулся от угарного газа. Об этом рассказали знакомые семьи журналисту «Новой газеты». Вероятно, мальчик не смог позвать на помощь.

— Дальше все как в тумане. Я приехала на следующее утро из Питера. Мама, папа в слезах, бледные, уже несколько дней ничего не ели. В доме — плач. Потом маме стало очень плохо. Скорая, успокоительные. Потом похороны. Три закрытых гроба. Отпевание. Я не хотела их отпускать. Не хотела, чтобы их закапывали. Это очень тяжело. Никто не готов был с ними прощаться, — вспоминает Екатерина.

Семью похоронили в селе Никольском, где Марина и Владимир когда-то жили. Родители Владимира ездят на могилы один-два раза в неделю. В апреле, 21-го числа, Владимиру исполнилось бы 45 лет. А в декабре Кирюше было бы 13 лет. Семья собиралась в дни их рождения.

— В свой день рождения Вова должен отправить видео, где жарит шашлыки. Или в день рождения Кирюши — видео, где он задувает свечи на торте. А ничего не происходит. Как так? Вот были люди — а теперь их нигде нет. И найти ты их никак не можешь, — задается вопросами без ответов Екатерина.

Фото: fonar.tv

Владимир был старше Екатерины на 17 лет и «практически вырастил» ее. После работы он приносил ей сладости и игрушки, когда девушка была маленькой. Играл с ней и разговаривал, даже когда женился и жил отдельно.

— С такой теплой улыбкой зайдет во двор. Спросит: «Никто не обижает в школе?» Тюкнет по носу и спросит, как дела у мамы. И так — до самого последнего дня. Я уже повзрослела, вышла замуж, переехала, а он все равно при каждом разговоре: «Привет, принцесса, что ты там, никто не обижает?» — говорит Екатерина.

Незадолго до смерти Владимир заехал к маме, наломал ей сирени и неожиданно сказал: «Ма, дай я тебя обниму». А еще он позвонил Екатерине и сказал, что любит ее.

— У него было очень много планов. Хотел купить новую квартиру побольше. Новую большую машину — чтобы ездить всей семьей на море летом. Мечтал посмотреть, каким вырастет Кирюша. Я никогда не видела, чтобы отец так любил своего ребенка, как Вова Кирюшу. У нас замечательный папочка. Но любовь Вовы к Кириллу была такая особенная, нежная. Кирюша — особенный ребеночек. Но для Вовы он был самый лучший, он не видел своей жизни без него. Поэтому, наверное, они все вместе и ушли. Не доверил Вова нам свою пиявочку — так Вовочка нежно называл Кирюшку, — рассказала Екатерина.

Власти выплатили родственникам погибших компенсации. По словам Екатерины, их семья не получила деньги и подавала в суд. Выплату перевели близким Марины Проценко. Родители Владимира унаследовали половину квартиры в доме.

— Мы хотели бы выкупить вторую часть. В память о Вове и Кирюше — хотя жить там никто из нас не сможет. Не из чувства страха. А потому, что это квартира Вовы. Он так старался, столько трудился. Совсем недавно закрыл ипотеку за эту квартиру — и тут же они погибли. Хотели переехать — не

успели. «С его уходом мы осиротели», — говорит Екатерина.

В день рождения девушки, 8 мая 2024 года, Владимир записал сестре голосовое сообщение с поздравлением. В этом году Екатерина не решилась переслушать его: «И не уверена, что когда-нибудь решусь». Девушка и ее родственники положили к мемориалу красные гвоздики, поставили мягкого пингвиненка, рамку с фото погибшей семьи и уехали к Владимиру, Марине и Кирюше на кладбище.

Фото: fonar.tv

Утром 12 мая на месте трагедии не было никого из чиновников. Губернатор Вячеслав Гладков и мэр Белгорода Валентин Демидов написали о произошедшем в своих телеграм-каналах. (...)

Валерия Солошенко, Антон Вергун, [FONAR.TV](https://fonar.tv) — специально

для «Новой»